

МУДРЕЙШЕГО ПСЕЛЛА СЛОВО НА БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ^[1]

1. Бог поистине является Началом всех существ, не как включенный в их состав и сочисляемый с ними, но — как Сущий вне их порядка и почивающий выше их; началом же божественных праздников и торжеств является евангельское возвешение Деве и Матери Слова, бывшее Ей путем благовещения со стороны Ангела; начало же оно не в том смысле, что оно менее совершенно, чем прочие Тайны и знамения,— прочь сама такая мысль! — но как во много раз более совершенное и превосходящее не только те чудесные вещи, которые заключаются в них, но и всякое слово и всякое как естество, так и разумение. Потому что то, что зачатое во чреве Слово имело родиться и, будучи рожденным, имело быть явленным чудесными знамениями, это хотя и превосходит всякое разумение и выше постижения и наисовершеннейшего ума, однако природа могла сему следовать и более новые вещи были в соответствии с более древними; но то, что Творец неба и всей твари, видимой и невидимой, Которого все сотворенное не может вместить, Который несравненным величием превосходит все существующее, как духовное, так и сущее, в границах чувственных восприятий, по сравнению с Которым величины гигантских тел, если и это долженствует сказать, являются как бы несуществующими и сходят на нет,— имеет вместиться в девственном чреве и, не отступая от Своей безграничности и неким образом соразмериваясь с нормами нашего тела, имеет стать как бы ограниченным Тот, Кто — безграничен,— вот это какое ангельское, или архангельское естество, или если бы был какой-либо иной чин, превосходящий их и более близкий к Отцу Света и непосредственно (protos) оттуда принимающий просвещение и на основании сего простирающийся к восприятию видений наивысших вещей,— были бы в силах постигнуть это? — Возможно же, насколько наши умственные силы, настолько и они уступают перед лицом Превосходящего Света. Если же и для них это чудо непостижимо и недоступно, то как же может быть нам под силу это разуместь?!

2. Поскольку же следовало, чтобы человек во всем обожился, то следовало, чтобы при совершении сего чудеснейшего дела и начало его было соответствующим сему. Для того Христос вочеловечился, чтобы человек, в новом соединении с Ним, обожился. Но если второе^[2] чудесно, то насколько более чудесно первое?^[3] Если восхождение (человека в это состояние) превышает всякое суждение, то не выше ли всякого разумения сошествие (Бога к человеку в Его Воплощении)?^[4] Потому что, вот, в первом случае, смертное восходит на небеса, а, во втором, Бог сошел с неба. И стал вместим Невместимый, и соединился с одушевленной природой Творец естества, и родился от Девы Неосязаемый

и Нематериальный, и приобщился плоти Тот, Кто, собственно говоря, не может именоваться даже «Бесплотным», ни даже — «Светом», ни даже — «Жизнью», потому что и самыми этими названиями Он именуется только в виде сравнения и применительно к пониманию человека. Но какое слово подошло бы нам для созерцания (постижения) Чуда? Какой же духовный лик (хор) составим, или какой священный гимн воспоем, или в каких духовных и словесных кимвалах принесем Богу соответствующий хорал и выразим чувство радости в результате благих возвещений? Потому что если в древности Израилем, после того как фараоново войско было потоплено волнами и все враждебные силы затонули, были составлены лики, и зазвучали кимвалы, и Мариам (сестра Моисея) возглавила хор и начала песнь, и в восхвалении Бога за совершенное чудо был сочинен чудесный гимн, то не насколько ли больше мы, удостоенные большего и более возвышенного человеколюбия Божия должны восславить Ему в некотором отношении соответствующий и от всех исходящий священный гимн?

В те времена плотской фараон преследовал плотской израильский народ, а в настоящее время духовный и еще более тиранический (фараон) враждует против нашего духа и преследует его, убегающего в Иерусалим и по прошествии через воду[5] переселяющегося в Вышний Град.[6] И там — столб огненный и облако путеводили Израиля, в течение дня покрывая (и скрывая от преследования врага), а в течение ночи светя им (указывая и освещая им путь). А здесь, Самый Первый и Сверхсущий Свет стал нам Вождем к переселению, в котором мы переходим из чужбины на Родину; и Сам Владыка шествует впереди всех наших построений и ополчений, а насильник (диавол) предаётся пучине; и Дева Мария держит в руках божественный тимпан, в то время как многие сущие вместе с Ней девы воспевают песнь и ударяют в тимпаны; под «девами» я разумею чистые души, следуя изречению Пророка и Праотца (Давида).[7] И там — Египет был местом наказания, а Иерусалим — местом наслаждения; здесь же, поистине, земля — это темница, а небо — обитель нашего обновившегося для новой жизни естества.

3. Итак, сегодня мы, которые тяжко бедствовали как изгнанники, возвращаемся из чужбины на собственную Родину и переходим в Едем и возводимся в Сион. О, какое чудо! Мы согрешили: затем были наказаны, но, вот, снова удостоились даже еще больших благ (чем имели прежде). Потеряли Рай, но, вот, получили небесный дворец. Пали на землю, но, вот, нам обещано жительство на небе.[8] И что еще чудеснее: благие возвещения не опережают радости, как это бывает по человеческому обычаю,[9] но в то же самое время и Ангел возвещает Деве, и возвещаемый им Бог воплощается, и воспрियाтое (Им человеческое естество) обожается! О, какое новое слово! О, какое изобилие

милостей и безграничность чудес! Все сошлось вместе друг с другом: глас (благовестящего) Архангела, Воплощение Господне, обожение воспринятого Им тела, соединение отстоявших друг от друга элементов, освобождение людей, бывших под тиранией врага, и возвращение изгнанников на Родину, примирение враждовавших сторон, и единое возвешение (заклучавшееся в Благовещении), и то краткое, заклучавшее в себе вместе и приветствие Богоматери с призывом радования, и все то, что произошло на основании сего, что превышает и перечисление, и разумение, и сущность чего заключается в том, что человек становится Богом, а Бог — человеком; и сокровенная тайна становится открытой при конце веков,[10] и пророчество приходит к исполнению, и ожидаемое Искупление наступает. Земля соединяется с небом, и облеченные в плоть[11] смешиваются с (существами) духовными,[12] и бывшие на расстоянии друг от друга чудесно сходятся воедино, и Посредником между тем и другим, зачавшись (во чреве Девы), становится Господь, соединивший с Божеством полную человеческую природу. И Гавриил становится возвестителем благих вещей, и ему единственному поверяется тайна; а остальные ангельские чины, только в этом отношении уступающие ему в достоинстве, не были посвящены в тайну (Воплощения Христова). Потому что подобало обновление природы ознаменовать божественными (небесными) существами.

4. И сходит Бог на землю, не разглашая весть о Своем сошествии и не выставляя в более торжественном свете Свое Пришествие; но сходит Он как утренняя роса, лучше сказать, как дождь на руно, дабы древнее чудо нашло свое разъяснение, когда совершившаяся Тайна сделала символы ее достоверными. И служитель чуда является вместе с тем и началоположником дела; и к Деве приходит девственник; сущий по своей природе выше естества, он благовествует Деве, сущей единого существа с нами; Деве — и телом и духом, и посему намного более достойной чести, чем сам Благовестник. Потому что чистота и непорочный образ мыслей ему свойственны по природе, а для Нее девственность души была выше естества. Иную добродетель я не привожу, а только эту, которую все восхваляют и ставят выше иных добродетелей. Потому что действительно непорочность тела является корифеем прочих добродетелей. Но не только на основании сего я превозношу Матерь Господню и не только такую девственность [13] приписываю Ей и на основании ее именую Ее «Девой». Потому что хотя Она для прочих девственниц является примером, но лишь меньшей из причин для восхваления Ее являлось бы то, что и многими было достигнуто.

5. Дева же была воистину ДЕВОЙ, потому что и душевные помыслы Она сохранила непорочными, и, как бы солнце, сообщила Своему телу духовные благодати, более украшая его и осиявая, чем заимствуя от него что-либо материального характера, что и ан-

гельское естество не могло бы удержать, если бы сблизилось с материей. Пусть это будет позволено сказать нам в виде предположения. Потому что только Ее богоподобнейшая душа, как некий небесный Луч, сияла оному непорочному телу и не столько заключалась в нем, сколько его содержала в себе, и заключала и направляла к большему озарению. Потому что ум Ее держался Бога, поскольку ничего другого, что бы владело Ее мыслями, в Ее душе не жило;[14] тело же держалось ума, так что Она всецело жила в Боге. Она настолько была исполнена божественной благодати, что вся — вместе с телом — была свята, вся светла, вся непорочна и, можно сказать, вся божественна.[15] И, вот, Она обитала на земле и попирала сущий внизу земной прах; от неприступной же Троицы — если долженствует и это дерзновенно сказать — далеко не отступала, будучи выше Серафимов, даже и прежде Своего зачатия (Сына Божиего) видя Бога и неизреченно в созерцаниях (в размышлениях о Нем) зачиная Его (в Своем сердце), чревонося Его (в уме) и рождая (доброделанием в жизни), как позднее и самым делом это было Ей суждено.

Итак, если сие великое и высокое небо было осуществлено, как это мыслится многим, из самого цвета первых стихий, и поэтому оно — незыблемо и нетленно, то (можно предположить), насколько больше Ее тело было устроено из лучшего существа стихий и уготовано как священный храм для Ее души. Но что же мне привести, чтобы явить Ее чистоту? — Для сравнения мне не хватит прекрасного и в материальном, и в духовном мире. Я стыжусь, сравнивая с Нею солнце (насколько духовный свет Ее превосходит сияние оно). Я краснею, уподобляя Ей небо (насколько Она — пространнее и прекраснее его).[16] Если же я взойду к понятию ангельского естества, то буду удовлетворен, потому что этот вид сравнения уже имеет характер премирного; но и тогда я не достигну должной меры. Потому что и они (Ангелы) как-то с трудом вмещают в себе ясное (непосредственное) представление о Боге и по своей мере участвуют в просвещении их, которое оттуда исходит; Она же в малой мере Ее тела вместила в Себе всего Бога, Который и от Отеческих недр не отступил, и в то же время пребыл весь в Матери и Деве. И, вот, чудеснейшее противоречие вещей: в чем Она уступает, я обнаружил, а в чем превосходит — не нашел.

Конечно, Она уступает Сыну и Творцу; не превосходит же никого по той причине, что вообще Она не идет в сравнение ни с кем и ни с чем. Потому что превосходство Ее величия не может быть уподоблено или сравнено с какой-либо природой или естеством. Она стала Матерью и при этом пребыла Девой. Слово Божие прошло чрез Нее: вошло и вышло, и ключи девства не нарушило, и печать осталась нерушимой. Она — Вертоград (сад) заключенный и Источник запечатленный.[17] Она — и Кивот святыни Господни,

и прозябший Жезл Христов, и священный Алтарь, как завесой, девством сокровенный. Она — Гора усыренная и тенистая. Она поистине — Небо, и даже большая, чем небо, и есть и именуется как вместившая Невместимого и объявляющая Необъятного. Она — Тема Пророков, и начало, вместе же и конец пророчеств. Посредством Нее Бог сошел к нам, а мы возшли к Нему. О, Лестнице, восходящая до Неба и премирная! О, однородная с нами; неприступная же и для самих Ангелов: Лестнице, Которою мы восходим на Небо, дабы вместе с Нею наслаждаться счастьем у Высшего Существа.[18]

6. Итак, поскольку ему было вверено слово (значение) Тайны, Гавриил, воистину, удивляется самому неизреченному оному Сошествию и изумляется истощанию Слова; ничуть не менее он восторгается и Девой, и удивляется, и благоговееет перед Нею, как перед Высшим Существом. Посему и в подобающем ему образе, так сказать, приступает к Ней, и нет нужды ему принимать измененную форму, солнцеобразную или воздушную. Потому что Кого бы он имел нужду привести в страх и у Кого вызвать трепет, как было свойственно служебным Ангелам поступать в отношении тех, которым они являлись в древности, да и в настоящее время являются, дабы у зрящего вызвали страх и побудили выслушать их с уважением? Но как слуга к Владычице, так в человеческом образе Архангел приступает и предстоит пред Ней, сидящей, и с должествующим уважением передает Ей благую весть: потому что: «Радуйся,— говорит он Ей,— Благодатная. Господь с Тобою».[19] Заметь, с каким уважением он говорит, как и самый порядок его слов: сначала сказав «Радуйся», он затем сразу же прибавляет: «Благодатная»,— дабы этим явить и наступающую Ей радость и обозначить предшествующую в Ней благодать. Потому что Благодатной Она была издавна как отдавшая Себя Богу и восприявшая сущее Свыше озарение и благодать; радость же он Ей благовествует как имеющую наступить позднее, как последствие Воплощения Слова и того, что Она имеет стать Матерью Первого Слова и Творца нашего естества. Слова же «Господь с Тобою» относятся непосредственно к призыву: «Радуйся», потому что то было как бы предисловием, а оные слова являют довод для сего.

«С Тобою Господь» — говорит он, не имея в виду озарение, но — что самим существом Он вместится в Твоем чреве. К этим словам он прибавляет: «Благословенна Ты в женах» — наименование, сводящее на нет прежнее проклятие (Евы), поскольку вместо Евы вводится Дева, как вместо Адама — Бог. Итак, как тогда за прослушанием (заповеди Божией в Раю) последовало проклятие, так теперь с соблюдением заповедей сочеталось благословение. И вот, до Девы пребывал сей род (человеческий) унаследовавшим Праматернее проклятие. Но затем была воздвигнута Плотина поперек течения, и Дева стала Твердыней, удерживающей течение.

жавшей наводнение зол.[20] «Благословенна Ты в женах» — как не вкусившая от Древа Познания (добра и зла) и не преступившая заповедь Божию, но и Сама обоженная (feofeisa) и обожившая (feosasa) человеческий род.

7. Она же, увидев Ангела, смутилась от слов его и размышляла, что бы означало это его приветствие. Она не подозревала, кто с Ней говорит, и в то же время не утратила его вида, потому что — как мы выше сказали — он Ей предстал скорее в человеческом образе, чем ангельском (anfropikoteron), и смиренно приступил к изложению благовещенных вещей. Но Она, как действительно благоразумнейшая и воистину рассудительная и во всем тщательнейшая, удивляясь величию возвещения, смутилась от слов Ангела. Потому что Она тут вспомнила Праматерь Еву; приняла на ум оную трагедию; возвещенные Ей вещи сличила с оной историей: потому что и там было обращение и обещание лучшего состояния; и здесь — новая благая весть и слово, которое еще и уши не слышали, и ум не мог вместить. Поэтому Дева пребывала в размышлении и не проявляла Себя; была осторожной в отношении дара; возможно также, что вследствие неясности возвещенного Ей Она стала различно толковать в Себе слова Ангела. Так, Ангел явил Ей, что с Нею пребывает Бог и возвещает, что Он с плотью вместится в Ее чрево; но это же могло быть сказано и в виде образа и означать явление Ей Господа в смысле озарения Ее,[21] и только.

Но, вот, все устроая, Ангел — в ответ на Ее нерешительность — сказал Ей: «Не бойся»; и затем чудесно повел слово, говоря Ей, что Она обрела благодать у Бога; отстраняя же сомнение в Ее мыслях, он возвещает Ей, что Она зачнет во чреве; и, продолжая свою речь, говорит Ей: «И родиши Сына, и наречеши имя Ему Иисус»; и к этому прибавляет таковое: «Сей будет великий, и Сын Вышняго наречется, и примет престол Давида, и воцарится в доме Иаковли, и царствию Его не будет конца».[22] Весь догмат Таинства (Воплощения Христова) Ангел начертал как бы на скрижалях: с одной стороны, отсекая имеющую наступить позднее пустую болтовню многих и, с другой стороны, сдерживая хулы бешенствующих против Таинства. Так чтобы кто не стал учить, что тело для Сына Божиего было сделано на небе, он возвещает зачатие Слова, имеющее быть во чреве Матери; а чтобы кто-нибудь не вообразил в Нем простого человека, он именуется Его «Великим» и возвещает, что Он — «Сын Вышняго»; дабы же как бы поставить печать на пророческие предсказания, он, подтверждая Его происхождение от Давида, — «даст Ему», говорит, «Господь Бог престол Давида, отца Его»; и чтобы показать, что и после соединения с человеческой природой, Он — единое Лицо, и Он — вместе Бог и человек, он свидетельствует, что царство Воплощенного будет бессмертным.

8. И вот, Ангел сказал это, освобождая Деву от чувства боязни и объясняя Ей точный смысл Тайны; Она же — поскольку вообще не была легко доверчивой к неслышанным обещаниям — еще недоумевает относительно зачатия и испытывает сомнения в отношении рождения. Потому что еще не сбывшееся Она еще не приняла на веру. Но поскольку действительно рождению предшествует зачатие, а зачатие — брак, то Она испытывает недоумение: как могут быть результаты, когда еще не было предшествующих причин. Потому что если брачные узы являются причиной зачатия для женщин, то, недоумевая, Она вопрошает Ангела: «Как Я зачну, не зная мужа?» Этот вопрос заключает в себе нечто более глубокое и достойное девственной чистоты, потому что слова: «Яко мужа не знаю» — в Ее устах, можно сказать, обозначают не плотское сожителство, а говорят о том, что для Нее, жизнь Которой была в величайшей степени чистой, и самая мысль о браке была чужда, как и тяготение к мужескому полу.

Итак, это самое и почитая в Ней, явившийся Ангел возвестил Ей: «Хотя вопрос о браке и не касался Твоего сердца»,^[23] потому что Ты вся пребывала в Боге, тем не менее Ты зачнешь. На основании иной причины, причины более возвышенной и великой, Ты возымеешь зачатие. Потому что «Дух Святыи найдет на Тя», говорит он, «и сила Вышняго осенит Тя». О, какая неизреченная совокупность! О, какой новый Брак и чудесное Зачатие! Потому что, поскольку Одно из Лиц Божественной и Первоначальной Троицы совершило Таинство: я говорю: — Единый Сын Единого Отца; — то, как Отец, так и Дух, со Своей стороны, способствовали Ему в деле Его Сошествия: Дух Святыи — снисходя на Деву и освящая Ее природу, дабы она еще более воссияла и явилась еще более светозарной для приятия слова; Отец же — свыше осеняет Ее, ограждая Ее от какого-либо злоумысла и в то же время охраняя священный Храм и создавая для Сего Насладительного Рая тень от зноя. Посему (Ангел) говорит: «И Раждаемое свято, наречется Сын Божий". Потому что не только восприявшее естество (т. е. Божественное естество), но и воспринятое (т. е. человеческое естество) возьмемет наименование: «Божественное»; и таким образом, две природы (во Христе) будут совместно течь, у обоих же — одна Ипостась, именуемая вместе Бог и Человек: БОГОЧЕЛОВЕК. Итак, То, что составлено из двух природ, по отдельности каждая, будет именоваться «Сыном Божиим».

9. Дева же, насколько раньше сразу возымела нерешительность в отношении приветствия Ее и смутилась духом, настолько теперь, после того как Ангел Ей все точно объяснил и напомнил Ей пророчества, и открыл Ей Сошествие Слова, и возвестил Ей неизглаголанное Зачатие и приготовление Ее к сему со стороны Отца и Духа, и подтвердил (имеющее Ей быть освящение, и вместе с тем ощущая божественную бла

голать в словах (Ангела),— со спокойной душою принимает Благовещение и, как Служанка, подчиняет Себя Владыке для совершения Таинства и представляет Себя готовой к служению; о, если бы и Праматерь Ева явила такую осторожность в отношении обещания, исходящего от змия! Потому что если бы она исследовала, кто это такой, кто ей говорит подобное и как, будучи бессловесным зверем, он вещает ей человеческим голосом; откуда же у него и знание о Божественности, и как, обладая таковым знанием, он при первых же своих словах к ней заблуждается;[24] — если бы Праматерь при этой странной беседе змия подвергла исследованию все это, то, постыдившись, отступил бы от нее змий, лучше же сказать: тот, кто чрез змия изверг смертельный яд против Праматери. Итак, поэтому вместо древних вещей внесены новые: вместо змия — Ангел; вместо рождавшей в печалих — Дева, пребывшая девой и после рождения; вместо Адама — Христос; и все стало новое: зачатие, чревоношение, рождение; и приток греха влился в благодать Божию и поглотился ею; и смерть обратилась в поручительницу бессмертия.

Ты же, читатель,[25] прими мой дар сего времени года, и почудись зачатию (Сына Божиго во чреве Девы), и вместе с этим осуществи подобное же зачатие и в себе самом: зачав (в сердце твоём) слово (или: мысль), без боли породил его (в делах и поведении твоей жизни). Но при этом исследуй это зачатие и о благих обещаниях размысли с философским подходом. Так, если эти возвещения истинны, прими их; если же обольстительны, уклонись от них; и упражняй чувства твоей души в умении осуществлять различие между тем, что хуже, и тем, что лучше. Потому что таким образом ты безупречно зачнешь Бога (в твоём сердце), и воскормишь Его в уме, и родишь в надлежащее время, и не произойдет у тебя ошибки относительно благих возвещений, но ты будешь с рассудительностью обладать Словом, Которое станет обитать в тебе,— Сам Христос, Господь наш, Которому слава во веки веков. Аминь.[26]

ПРИМЕЧАНИЯ

Когда мы говорили о жизни и трудах Михаила Пселла, мы указали и на значительное число написанных им омилий и похвальных слов, из которых только три были изданы.*

Мы публикуем его проповедь на Благовещение Пресвятой Богородицы, которая была издана в сопровождении латинского перевода Мнср. М. Жюжи. Как говорит ее издатель и с чем нельзя не согласиться, эта проповедь не содержит оригинальных мыслей, но

написана в чисто классическом стиле и показывает, что Пселл — мирской философ, поклонник учения Платона и приверженец литературной древности — также был знатоком и трудов Отцов Церкви и мог соперничать с самыми блестящими богословами своего времени.**

Мы можем добавить, что эта проповедь Пселла — произведение, написанное ученым-богословом и вместе с тем поэтом: оно заключает в себе и возвышенные богословские мысли, и внутреннюю красоту речи, которой Пселл был мастером *par excellence*. Остается только пожелать, чтобы и остальные проповеди и духовные произведения Пселла скорее увидели свет. потому что это был бы большой вклад в сокровищницу православного Богословия.

* Именно: «Похвальное слово Св. Симеону Метафрасту», «О чуде во Влахернах» и «Слово на Благовещение».

** *Patrologia Orientalis*. - Т. 16. P. 515.

1. Ориг.: «Слово на Радование», т. е. на слова Архангела Гавриила, благовествовавшего Пресвятой Деве Марии: «Радуйся, Благодатная» и т.д.
2. Второе: т. е.— обожение человека.
3. Воплощение Сына Божиего.
4. Текст в скобках здесь и в дальнейшем вносится нами для большей ясности текста.
5. Т. е. чрез Таинство Крещения.
6. Т. е. в Небесный Иерусалим; город Иерусалим стоит на возвышенности.
7. Пс. 67, 26.
8. Ориг.: «Приняли обещание высочайшего дома».
9. Т. е. сначала бывает объявление о чем-то радостном, а затем, когда оно осуществится, тогда приходит и радость. Здесь же возвешение и самое дело совершаются вместе.
10. Кол. 1, 26. Евр. 1. 1.
11. Ориг.: «чувственные».
12. Т. е. с ангельским миром.
13. Т. е. девственность дела.
14. Ориг.: «*oydemias enoyses feotetos*».
15. Ориг.: "Посчиталась богом — вместе с плотью», «богом во плоти».
16. Слова в скобках доданы нами как соответствующие тексту у Пселла, но которые полезно внести для большей ясности смысла.
17. Песнь Песней, 4, 12.
18. Здесь мы несколько дополнили фразу, додав слова: "Лестнице, Которую мы восходим на Небо". Греческий текст здесь имеет какой-то пропуск.
19. Лк. 1, 28.
20. Слово «наводнение» мы заимствовали из лат. пер. Греч. ориг. скорее бы мог быть переведен, как «разлитие зол».
21. Свободный перевод фразы.
22. Лк. 1, 30-33.
23. Здесь, как и выше, мы немного отступили от оригинала, делая перевод несколько более в общих понятиях.
24. Быт. 3, 1. Так, змий (искуситель) полагает, что Бог запретил Праотцам вкушение от всех плодов, когда в действительности запрещение относилось только к Древу познания добра и зла.
25. Слово «читатель», как и дальнейшие слова в скобках, мы внесли

от себя, дабы сказанное Пселлом представлялось более ясным.

26. Patrologia Orientalis. T.16. P. 517-525.

(Перевод с греческого и примечания архимандрита Амвросия, доктора Богословия)